Претеритальное удвоение в истории глагола и аспектуальность[1]

О. Ф. Жолобов
Казанский (Приволжский) федеральный университет

праславянский претерит, имперфект, аспектуальность

История такой претеритальной формы в древнерусской письменности, как имперфект, неизменно привлекает внимание исследователей, о чем свидетельствует продолжающаяся научная дискуссия (см. [Живов 2006: 200–224; Жолобов 2010; Жолобов 2013: 31–32; Жолобов 2014а: 134–135; Жолобов 2014б; Зализняк 2008: 94–106; Крысько 2011: 827–829; Крысько 2014: 123; Макеева, Пичхадзе 2004: 23; Страхова 2011; Тимберлейк 1997; Stoll 2000]).

Если аорист у славян является индоевропейским архаизмом, то имперфект, напротив, представлен инновацией. Вместе с тем его возникновением управлял, по-видимому, тот же механизм, что и развитием вторичного претерита – имперфекта – в индоевропейском праязыке. Предполагается, что в индоевропейском праязыке двучленная оппозиция презенса и первичного претерита, известного позднее как аорист, была преобразована в трехчленное противопоставление после образования претерита от основы презенса: *bhéuge-ti ‘бежит’ vs. *(é)-bhugé-t ‘бежал’ > *bhéuge-ti: *(é)-bhéuge-t: *(é)-bhugé-t (см. [Семереньи 1980: 322–323]). Источником развития вторичного претерита стал перенос значения текущего действия презенса в прошедшее время, что нашло непосредственное отражение в формальном плане преобразований, указанных выше.

Образование нового славянского имперфекта диктовалось, по-видимому, сходными причинами и было обусловлено растворением невыразительных форм старого имперфекта в аористных образованиях. Так, имперфектное происхождение, по-видимому, имеет архаичный аорист **бѣ** < *bhuē-t [Фасмер I: 141]. К индоевропейскому имперфекту определенно восходят древнеславянские формы простого аориста 1 л. ед. числа **могъ**, **падъ** и под., 2–3 л. ед. ч. **веде**, **несе** и под., 3 л. мн. ч. **могѫ**, **обрѣтѫ** и под. [Мейе 2000: 199–203; Семереньи 1980: 317]. Поскольку, однако, претеритальное значение в индоевропейском, кроме того, выражалось препозиционным аугментом, а у славян аугмент был утрачен, точнее было бы определить указанные формы как инъюнктивные. В индоевропейском инъюнктив образовывали претеритальные формы без аугмента, которые, таким образом, теряли значение реального, референтного прошедшего времени (см. [Елизаренкова 1982: 281–283; Иванов 1981: 34–36]). Вероятно, инъюнктивное употребление безаугментного имперфекта в индоевропейском могло также стать одной из причин его замены новой системой имперфектных форм в праславянском языке.

Формирование нового славянского имперфекта стало своего рода возвращением к исходному индоевропейскому состоянию вследствие размывания морфологических характеристик индоевропейского имперфекта-инъюнктива в праславянском. Этот процесс можно сравнить с восстановлением корреляции количественных и порядковых числительных и развитием склонения у неизменяемых количественных числительных после утраты морфологической корреляции в ходе фонетических преобразований: *septm̥ ‘семь’: *septm̥-o-s ‘седьмой’ > *setь: *sedm-ъ > *setь + *sedm-ъ = *sedm-ь: *sedm-ъ-jь (см. [Жолобов 2001: 97; Жолобов 2006: 45–46]. Толчком к новому удвоению претеритальных форм также стало затемнение морфологической структуры и корреляции словоформ. Позднее уже в старославянских источниках

[1] Исследование проводится при поддержке РГНФ (проект 15-04-00283).

вновь фиксируется неразличение имперфекта и аориста после так называемого стяжения гласных в целом ряде претеритальных образований: **глаголаахъ** > **глаголахъ**, **вѣдѣасте** > **вѣдѣсте** и под. Образование новой омонимии претеритальных форм явилось одной из причин ранней утраты имперфекта в большинстве славянских языков (кроме болгарского, серболужицкого и сербохорватского) в письменный период их истории. В то же время в таком архаичном источнике, как старославянская Саввина книга, встречаются только так называемые стяженные имперфекты [Вайан 1952: 268; Ван-Вейк 1957: 320], что может свидетельствовать об исконном характере форм типа **идѣше**, **плетѣхомъ**.

Новый имперфект как форма прошедшего времени развивался вначале, по-видимому, в качестве разновидности сигматического аориста – фактического прошедшего, поскольку сохранял морфологическую связь с аористом, судя по консонантной основе суффикса *-x-//*-š-(//*-s-). Вокалические компоненты суффикса внешним образом совпадают с эмфатическим удвоением суффиксального гласного основы длительных глаголов: *dēlā-āx-, откуда *sēdē-āx- и далее – *nes-ē-āx- и под. Однако многочисленные основы типа *nes-ē-, *wed-ē- могут рассматриваться также как основы презенса с продленной ступенью тематического гласного [Vondrák 1912: 510][1]. В пользу последнего предположения свидетельствуют многочисленные примеры образования имперфекта от основы настоящего времени в древнеславянских памятниках письменности. В противовес сигматическому аористу новые экспрессивные формы получили тематическое спряжение простого аориста, восходящего к формам имперфекта-инъюнктива. Аномальные формы Супрасльской рукописи и Изборника 1073 г. воспроизводят, кроме того, другую модель обобщения суффиксального гласного -ѣ-: начьнѣѣхомъ Супр 37, 9; прѣстранѣѣше 258, 18 и под.; бѣѣста Изб 1073, 212в20; живѣѣше 259а23. Обычно подобные формы объясняют ассимилятивными изменениями, хотя их можно было бы рассматривать в качестве архаизмов, имея в виду древнее происхождение источников.

Если исходить из модификации презентной основы и образования новой имперфектной основы типа *wed-e- > *wed-ē-, то нужно признать, что в значении нового славянского имперфекта важное место стало принадлежать обозначению внутреннего времени или структуры действия – иными словами, вида глагола, получившего особую форму морфологического выражения. Значение текущего, длящегося действия презенса, перенесенное в прошедшее, стало внутренним – аспектуальным – временем глагола. Как можно заключить из наблюдений над эволюцией славянского имперфекта, скепсис по отношению к развитию начальной стадии категории вида в индоевропейском не имеет под собой оснований. Славянские языки развили категорию, которая в зародышевом состоянии уже существовала в материнском праязыке.

Литература

Stoll S. On the desinence {-t(')} of the Early East Slavic imperfect // Russian Linguistics. – 2000. – 24. – P. 265–285.

Vondrák W. Altkirchenslavische Grammatik. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1912.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1952.

Ван-Вейк Н. История старославянского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.

Елизаренкова Т.Я. Грамматика ведийского языка. – М.: Наука, 1982.

Живов В.М. Восточнославянское правописание XI–XIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2006.

[1] Откуда далее в продуктивном типе i-глаголов *nosi-ē- > *nosja-, *wodi-ē- > *wodja- и под.

Жолобов О.Ф. ˝Аугментный имперфект˝? // Journal of Comparative Studies. – 2014. – 4 (33). – С. 19–32.

Жолобов О.Ф. Древнерусский имперфект в корпусе учительных сборников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2010. – 42 (4). – С. 5–11.

Жолобов О.Ф. Древнеславянские числительные как часть речи // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 94–109.

Жолобов О.Ф. О рефлексах *ti*- и *t*-форм глаголов в древнерусском языке // Russian Linguistics. – 2014. – 38. – С. 121–163.

Жолобов О.Ф. Презенс-футурум в Троицком сборнике (РГБ, Тр. 12) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 5. – С. 30–39.

Жолобов О.Ф. Числительные.- М.: Азбуковник, 2006. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV / под ред. В.Б.Крысько).

Зализняк А.А. ˝Слово о полку Игореве˝: взгляд лингвиста. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.

Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки.- М.: Наука, 1981.

Изб 1073 – Изборник 1073 г. ГИМ, Син. 1043. 266 л.; Интернет-издание подг. Т.В. Кокорина, А.А. Соколова, при поддержке ИАС ˝Манускрипт˝ (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=42519074).

Крысько В.Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Исследования. Изд. подгот. В.Б.Крысько, Л.В.Прокопенко, В.Желязкова, И.М.Ладыженский, А.М.Пентковский. – М.: Азбуковник, 2011. – С. 798–837.

Крысько В.Б. Об издании Скитского патерика // Вопросы языкознания. – 2014. – № 5. – С. 122–148.

Макеева И.И., Пичхадзе А.А. Грамматические особенности древнерусского перевода // ˝История Иудейской войны˝ Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. Т. I. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–26.

Мейе А. Общеславянский язык. – М.: Прогресс, 2000.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. – М.: Прогресс, 1980.

Страхова О.Б. Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных // Palaeoslavica. – 2011. – XIX (2). – С. 240–293.

Супр – Супрасльская рукопись XI в. Народ. библ. Варшавы, собр. Зам. № 21 – 151 л.; Универ. библ. Любляны, Cod. Kop. 2 – 118 л.; РНБ, Q.п.72 – 16 л.) 285 л. Интернет-издание подг. Е.В. Рябова-Чернова, при поддержке ИАС ˝Манускрипт˝ (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=85179364).

Тимберлейк А. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 66–86.

Фасмер I–IV – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. I–IV. – М.: Прогресс, 1986–1987.